

Закавказское казачье войско: три несостоявшихся проекта

Д.Доу. Портрет генерала от кавалерии князя Н.Е. Лобанова-Ростовского. Холст, масло, 1830-е гг.

В Российской империи, а до этого в Московском царстве с середины XVI века известны казаки – селившееся на окраинах страны особое военнослужилое сословие, главной обязанностью которого перед государством была военная служба, охрана рубежей, причем военную подготовку и материальное обеспечение они осуществляли за свой счет. Казаки традиционно были и воинами, и хлебопашцами, обязанными по первому зову царя бросить все дела и встать на защиту Отечества. По такому принципу на протяжении четырех с половиной столетий жили Донское, Терское, Кубанское, Астраханское и многие другие казачьи войска и общества (всего в разное время в истории России их насчитывалось более 40), **опыт организации которых во второй трети XIX века трижды планировалось применить в Закавказье**. Ни один из этих проектов так и не был реализован, но сама история появления и отклонения этих инициатив весьма интересна и поучительна.

Олег КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук (Москва)

Включение Российской империей в состав своих владений Закавказья, края стратегически важного и благодатного, объективно поставил вопрос о защите этого региона от внутренней и внешней угрозы. Регулярных частей Отдельного Кавказского корпуса, состоявшего в 1820-х гг. из двух пехотных дивизий, могло хватить только для обороны горных перевалов и защищавших их крепостей. Это сказалось в первые месяцы русско-персидской войны 1826-1828 гг., когда войска персидского шаха, вторгшиеся 16 июля 1826 года в российские владения в Закавказье, в считанные дни овладели Талышским и Карабахским ханствами, остановившись лишь под стенами Шуши. За 13 лет, последовавшие за подписанием Гюлистанского мира, России на территории современного Азербайджана так и не удалось создать серьезной военной инфраструктуры, и ее войскам в ту войну приходилось довольствоваться теми оборонительными объектами, которые остались со времен иранского господства, но их было явно недостаточно. Поэтому командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал от инфантерии И.Ф.Паскевич, готовя наступление 1827 года на Нахчыван и Эривань, обратился в Петербург с рапортом о необходимости обеспечить тылы действующих войск.

Следствием этого стало создание консультативно-совещательного органа, вошедшего в историю российской бюрократии как «Комитет 1827 года» по вопросам управления Закавказским краем. Одной из инициатив комитета стал **проект «создания защитного пояса, составленного из поселений военнообязанных христиан, что позволило бы надежно защитить персидскую и турецкую границу»** [3, т. VIII, с. 346]. Для реализации этой идеи предполагалось уже в ходе войны с Персией 1827-1828 гг., **переселить в Карабах и Муганскую степь из Полтавской и Черниговской губерний 80 тысяч семей малороссийских казаков, образовав из них новое Закавказское казачье войско** и подчинив его наместнику на Кавказе. Одним из главных носителей этой идеи стал малороссийский губернатор князь

Князь Г.Г. Гагарин. Войсковой старшина Гребенского казачьего полка Арнаутов. Бумага, акварель, 1830-е гг.

Н.Г.Репнин-Волконский, стремившийся избавиться от «казацкой вольницы» в подчиненных ему землях. Для осуществления этого плана был создан Особый комитет по переселению под председательством графа А.П.Толстого, «по предмету переселения 80 тысяч малороссийских казаков на границу Персии» (сам граф был отчасти знаком с Азербайджаном, т.к. в 1824-1826 гг. в качестве артиллерийского офицера участвовал в походах с «экспедицией по обозрению Каспийского и Азовского морей и истреблению морских разбойников»).

Проект был направлен для согласования И.Ф.Паскевичу, который, будучи уроженцем Полтавской губернии, пожалел своих земляков, и дал на него отрицательное заключение, обосновав свое мнение убедительными доводами. Он направил в предполагаемую зону переселения «пространства между Цалкою, Ахалкалаком и Манглисом, а также озером Гокчая и на возвышенной плоскости между Карабаба и Гюрсами» две экспедиции военных топографов и землемеров. Собрав с их помощью данные и проведя серьезные математические расчеты, 22 мая 1830 года И.Ф.Паскевич представил императору Николаю I рапорт, содержащий обстоятельный анализ и выводы [3, т. VIII, с. 347-349]. Следует отметить, что между получением текста проекта о переселении в Закавказье малороссийских казаков и ответом на него прошло три года, и за это время победоносно для России окончилась не только война с Персией, но и русско-турецкая война 1828-1829 гг. В результате **четверть миллиона малоазиатских армян и греков получили возможность переселиться на земли российского теперь уже Закавказья, что качественно изменило здесь этнодемографическую и экономическую обстановку** по сравнению с 1827 годом. По сути, армяне близ Эривани, Гюмри, Нахчывана и в Карабахе, равно как и греки в районе Поти, в 1828-1831 гг. заняли те земли, которые изначально планировались для переселения казаков из Малороссии.

В письме императору Паскевич писал: «Признавая переселение малороссийских казаков в Закавказские провинции по многим отношениям весьма полезным, я поспешил изложить предварительное мнение мое по сему предмету...». В то же время он полагал, что для хозяйственного обустройства и создания условий для военной службы на каждого переселенца-казака потребуется по 25 десятин (40 га) земли, для создания же Закавказского казачьего войска потребуется 2 млн. десятин. Но такого «количества способной к поселению земли на все пространстве границы нашей с Персией найти невозможно, ибо все низменные места, лежащие на черте сей, по вредному влиянию тамошнего кли-

мата, совершенно пагубны для обитания, возвышенные не представляют столько порожних земель, чтобы можно было поселить на оных предполагаемое число казаков». Иными словами, в силу естественных условий Закавказье принять порядка полумиллиона переселенцев из Европейской России не может.

Наряду с экономико-географическими резонами И.Ф.Паскевич приводит доводы о сложности и дороговизне самого процесса переселения. «По свершенному недостатку в Грузии плотничных и кузнечных мастеров», он предлагает предварительно выписать сюда из Малороссии специалистов, которые «по прибытии в Грузию приступят немедленно к построению домов сначала для себя, а после и для других ожидаемых в этих краях переселенцев... Подобная мера столь важна, что я не предвижу возможности водворить поселение, если упомянутые мастеровые не будут сюда за год прежде высланы». Переселять людей Паскевич рекомендует в апреле, «дабы соблюсти их сколько возможно в пути от влияния зноя», он настаивает на обязательной передаче переселенцам «особых заготовлений, даже в фураже для скота, ибо при переходе через горы на пространстве от Владикавказа до Ананура, весьма мало пастбищных мест, притом должно при-

Формы офицеров и казаков Кубанского и Терского войск. Неизвестный художник по рисунку К. К. Пиратского. 1860-е гг.

нять в рассуждение и самые остановки в следовании, могущие произойти в горах от обвалов и тому подобному». Он указывает: «Предвидеть можно, что переселяемые сюда казаки непременно будут терпеть в пути большое расстройство, как в физических своих силах, так и в ущербе скота», а поэтому просит монарха заранее освободить их «от всех государственных податей и даже о совершенном прощении тех издержек, кои будут сделаны казною для вспомоществования переселяемым сюда семействам казаков».

В качестве альтернативы создания Закавказского казачьего войска из малороссийских казаков И.Ф.Паскевич предлагал использовать «местные ресурсы» Закавказья – грузинские линейные батальоны, формируемые из христианских народов Кавказе – грузин, осетин, а также части вновь переселенных армян. Иными словами, – поставить под ружье не казаков, а солдат из местных уроженцев. Правда, при этом он считал возможным разместить в Закавказье до 7 тысяч добровольных переселенцев из Европейской России, но в числе таковых он видел опять же не своих земляков, а казаков Донского и Кавказского линейного войск, служивших тогда «по выбору» в Закавказье. Словом, Паскевич сделал все для него зависящее и возможное, чтобы оградить своих земляков-полтавчан от принудительного переселения в Закавказье, и для этого ему пришлось организовать иммиграцию четверти миллиона армян из Персии и Турции и дискредитировать в глазах

Князь Г.Г. Гагарин. Казак Моздакского полка Золотов. Бумага, акварель, 1830-е гг.

императора Николая I саму идею создания Закавказского казачьего войска.

Финальную точку в деятельности Особого комитета по переселению или «комитета 1827 года» поставила докладная записка военного министра графа А.И.Чернышова на имя Николая I от 19 июля 1832 года за № 133, в которой было указано, что «по чрезмерности расходов, сопрягающихся с переселением на Кавказскую линию 4-х малороссийских полков или до 4-х тыс. семейств сих казаков, отметить сие предложение вовсе, а напротив того, обратит в казачье сословие, согласно с предположением барона Розена и одобренным кн. Варшавским, предназначенных им на то жителей 26 казенных селений Кавказской области, собственно на водворение коих казне никаких не предстоит издержек... Что же принадлежит вообще до переселения казаков малороссийских, для большего обеспечения их благосостояния и по видам необходимости в усилении пограничного поселения, то полагал бы иметь оное ввиду для предположительного водворения оных в Анапе, в Геленджике и других местах по берегу Черного моря...» [3, т. VIII, с. 350]. Император мнение своего военного министра утвердил, и армяне в Закавказье заняли место малороссийских казаков.

Вновь вопрос о создании Закавказского казачьего войска был поднят в середине 1830-х гг., при этом в его состав должны были войти не казаки-христиане из Европейской России,

а местные уроженцы – этнические азербайджанцы. Причем проект этот пошел гораздо дальше предварительных обсуждений и обрел в 1838 году некие организационные черты, которые, однако, не получили своего логического завершения. **О реальном существовании какой-то организационно-штатной структуры Закавказского мусульманского войска, точнее – «Закавказских мусульманских войск» свидетельствует приказ по Военному ведомству от 16 февраля 1846 года № 46 об исключении из списков по причине смерти «военно-походного атамана Закавказских мусульманских войск генерал-майора Эхсан-хана» [5, с. 94].** Речь в этом приказе идет об Эхсан-хане Келбали хане оглу Нахичеванском, который в 1843 году был назначен на должность начальника всех иррегулярных воинских сил из закавказских мусульман, но насколько они в то время были реальными, – ясного ответа на этот вопрос пока нет. Благодаря исследованиям Ф.Нагдалиева нам известна инструкция хану Нахчыванскому, отданная главноуправляющим Закавказским краем генералом от инфантерии А.И.Нейдгартом, согласно которой «мусульманские войска» подчинились хану «в случае внешней войны» и «и в то время, когда они будут сформированы в составе полков», также ему надлежало ежегодно инспектировать их «с разрешения командира Отдельного Кавказского корпуса», но последняя обязанность возлагалась на него с того момента, «когда будет определен состав мусульманских полков» [5, с. 95]. Фактически текст документа говорит только о предполагаемых воинских формированиях из азербайджанцев и других закавказских мусульманских народов по образцу казачьих полков, но в сравнении с проектом создания Закавказского казачьего войска из числа переселенных малороссийских казаков в этом деле был все-таки сделан первый практический шаг.

«Закавказские мусульманские войска» или Закавказское мусульманское казачье войско предполагалось создавать не на пустом месте. **Основой для него реально могли послужить не раз проверенные в боях на российской службе кадры четырех конно-мусульманских полков и Конницы Кянгерлы,** сформированных в 1829 году командованием Отдельного Кавказского корпуса из азербайджанцев для войны с Турцией 1828-1829 гг. За три с небольшим месяца военной кампании 1829 года на территории Азиатской Турции бойцы этих формирований показали себя храбрыми и инициативными воинами, за подвиги были отмечены орденами и медалями, а сами части в качестве коллективного отличия получили наградные знамена, пожалованные императорским указом от 26 ноября 1830 года

Князь Г.Г. Гагарин. Офицер конно-мусульманского полка в парадной форме. Бумага, акварель, 1830-е гг.

[4, ч. 2, с. 18-21]. До сих пор нет единого мнения насчет судьбы этих конно-мусульманских полков и конницы кянгерлы после окончания боевых действий с турками в 1829 году. Как нечто само собой разумеющееся предполагается, что их чины – беки, султаны, наибы, векилы и аскеры были распущены по домам, как это происходило с другими аналогичными иррегулярными воинскими формированиями. Однако **известны факты, свидетельствующие об обратном.**

Во-первых, сам факт пожалования наградных знамен свидетельствует о том, что полки воспринимались имперской властью как реально существующие, но выведенные в резерв по случаю мирного времени, как это делалось в отношении казаков. Более того, для церемонии передачи этих знамен в Тифлис от каждого полка было вызвано «по десять почетнейших беков и по двадцать всадников из числа имевших знаки Военного ордена» (т.е. георгиевские кресты для нижних чинов – О.К.) [4, т. IV, с. 295], что лишний раз свидетельствует о том, что и **в мирной жизни прежняя военная организация и субординация конно-мусульманских полков и Конницы Кянгерлы сохранялись.**

Наградное знамя 1-го конно-мусульманского полка Отдельного Кавказского корпуса образца 1830 г.

Во-вторых, в официальных по своему характеру архивных документах и мемуарах российских участников Кавказской войны 1817-1863 гг. мы встречаем разрозненные сведения об участии азербайджанских конно-мусульманских полков в событиях Кавказской войны в более позднее время. В частности, из «Журнала командующего войсками Закавказья генерал-адъютанта Панкратьева с 28 августа по 15 сентября» мы узнаем не только об осаде Дербента восставшими горцами-мюридами Гази-Мухаммада (или «Кази-Муллы», как его тогда называли русские современники), но и об участии 1-го, 2-го и 3-го конно-мусульманских полков в отражении этого нападения, для чего им пришлось собраться у Старой Шемахи и оттуда выступить к Дербенту, а затем вернуться к Старой Кубе [1]. Также не вызывает сомнений факт, что 2-й конно-мусульманский полк под началом князя Д.О.Бебутова 17 октября 1832 года отличился при штурме аула Гимры, где Кази-Мулла, засевший с 3000 горцев, был убит в бою. Все это позволяет уверенно говорить, что еще несколько лет после окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг. конно-мусульманские полки и конница кянгерлы активно участвовали в боях с горцами в составе войск Отдельного Кавказского корпуса наравне с посылаемыми на службу в Закавказье казачьими полками с Дона и Северного Кавказа.

Сегодня мы можем высказать вполне правдоподобное предположение о том, откуда в официальных документах Военного министерства Российской империи появился термин «Закавказские мусуль-

манские войска». Дело в том, что в 1820-1830-х гг. на так называемой Кавказской линии, образованной армейскими укреплениями и казачьими поселениями в предгорьях Северного Кавказа, существовало несколько локальных казачьих войск – Кизлярское, Гребенское, Терское Семейное, Волгское, Моздокское, которые впоследствии были преобразованы в полки Кавказского линейного казачьего войска. Азербайджанские конно-мусульманские полки Отдельного Кавказского корпуса также формировались по территориальному признаку и набирались из числа бывших подданных полузависимых от Персии ханств Гянджи, Шемахи, Карабаха, Эривани, Нахчывана. Поэтому к этим закавказским воинским формированиям вполне могло применяться понятие «войско», официально использовавшееся для обозначения аналогичных военно-хозяйственных казачьих общностей Северного Кавказа.

А это значит, что **Закавказские мусульманские (казачьи?) войска из азербайджанцев на протяжении нескольких лет реально существовали (или существовало?), и воевали они с врагами империи не только внешними, но и внутренними, хотя все это время с формально-правовой точки зрения их наличие не было оформлено.** Как видим, вопросов на этот счет много больше, чем ответов. Причиной тому является отсутствие не исторических источников, а человека, который бы заинтересовался ими.

Наконец, в третий раз **вопрос о создании Закавказского казачьего войска был поднят в докладной записке начальника Терской области генерал-лейтенанта М.Т.Лорис-Меликова на имя императора Александра II, поданной 31 декабря 1868 года [2].** Данный документ был оставлен без внимания и ответа, но сам по себе интересен, поскольку значительно расширяет палитру взглядов государственных деятелей России на этот вопрос. Подобно инициативе 30-летней давности, Лорис-Меликов также предлагал переселять в Закавказье православных казаков, но на этот раз не из Малороссии, а с Северного Кавказа. Однако переселение это изначально преследовало совершенно иные цели в сравнении с предыдущей инициативой. Теперь казаки должны были, по мнению Лорис-Меликова, «мало-помалу, без больших потрясений спокойствия края, достигнуть того, что за линией казачьих поселений очистится значительная территория свободной земли. Тогда, открыв эти земли для водворения тем христианским племенам Малой Азии, которые в русском правительстве и русской защите видят свое спасение; нам представится возможность, заблаговременно усилить в Закавказском крае христианский элемент настолько, что

каковы бы не были комбинации будущих политических отношений, страна эта не послужит уже помехою к развитию сил наших там, где потребуют того внешние обстоятельства».

Если отсеять все витиеватости верноподданнического слога, проект М.Т.Лорис-Меликова означал буквально следующее: переселяемые в Закавказье **кубанские и терские казаки должны согнать с мест своего обитания полукочевые кавказские мусульманские народы, оттеснив их в Турцию и Персию. На освободившиеся земли из Османской империи начнут усиленно переселяться армяне, после чего в Закавказье они станут доминирующей этнической группой**, и через несколько десятилетий закавказские православные казаки станут охранять их экономические и религиозные интересы. К счастью, император Александр I понял этот подтекст докладной записки и оставил ее без высочайшего внимания...

Попытки создания Закавказского казачьего войска предпринимались несколько раз, но все они потерпели фиаско. Объяснить это, на наш взгляд, можно лишь одним: все они были продиктованы выгодами и интересами отдельных высокопоставленных государственных чиновников и стоявших за ними региональных элит. Ни один из этих проектов не учитывал интересов всех сил, представляющих власть и общество в Закавказье. Наверное, потому-то и хорошо, что ни один из них так и не был реализован. 🌱

Литература

1. Российский государственный военно-исторический архив. – ф. ВУА, д. 6251, л. 139-141.
2. Российский государственный военно-исторический архив. – ф. 330, оп. 1, д. 131, л. 3-19.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 13-ти тт. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866-1904.
4. Гизетти А.Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск: Издание военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа / Под ред. В.А Потто: В 2-х ч. Тифлис: Тип. А.И.Либермана, 1901.
5. Нагдалиев Ф. Ханы Нахичеванские в Российской империи. М.: Новый аргумент, 2006.
6. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 тт. М.: Центрполиграф, 2006.

И.К. Айвазовский. Портрет М.Т. Лорис-Меликова. Холст, масло, 1888.

The article briefly describes the history of the three initiatives to establish Transcaucasian Cossack troops in the second third of the 19th century following the incorporation of the South Caucasus into Russia. The author of the first initiative presented during the Russian-Persian and Russian-Turkish wars in 1827 was I. F. Paskevich, and it was designed to create an "ethnic" cordon on the borders of Russia's new possessions with Iran and Turkey and neutralize the then plan to resettle Little Russian Cossacks to the area. In the mid-1830s, a plan to create Transcaucasian Muslim Cossack troops of the then irregular militias of Azerbaijanis, who excelled in the Russian-Persian and Russian-Turkish wars and were also used in the Caucasian War, appeared de facto and was put into effect. The last initiative launched by the chief of the Terek region, M. T. Loris-Melikov, meant the gradual ousting of the Muslim population of the South Caucasus by the new Cossack troops from Orthodox natives of the North Caucasus in order to make room for the resettlement of Asia Minor Christian ethnic groups (mainly Armenians) with the aim of consolidating Russia's grip on the region.